

НИКИТА АВЕРИН

НИКИТА АВЕРИН

КРЫМ
СПЕЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А19

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Художник — Игорь Соловьев

Серийное оформление — Владислав Воронин

Автор идеи — Дмитрий Глуховский

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ГЛУХОВСКИМ ДМИТРИЕМ АЛЕКСЕЕВИЧЕМ
ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
ГЛУХОВСКОГО ДМИТРИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА

Содержит нецензурную брань

Аверин, Никита Владимирович.

А19 Крым. Специальное издание : [сборник фантастических произведений] / Никита Аверин. —
Москва: Издательство АСТ, 2026. — 640 с.

ISBN 978-5-17-183605-4

Вы держите в руках самый полный сборник произведений Никиты Аверина о Крыме 2033 года и не только о нем. Впервые под одной обложкой — культовая трилогия, повесть и рассказы, часть которых ранее не издавалась.

В основе фантастической саги Никиты Аверина, удостоившейся многочисленных наград, приключения клана Листонош — своеобразной почтовой службы, воссоздаваемой в постапокалиптическом мире остатками человеческой цивилизации. Радиационный фон, кровожадные мутанты, враждебные кланы, банды и религиозные фанатики — все это ждет героев на пути через брошенные города, степи и ядерные пустоши. Однако движет листоношами не корысть и не жажда приключений, а искренняя надежда на возрождение.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крым-1

ПРОЛОГ

К Золотой бухте экспедиция вышла к полудню, когда раскаленное крымское солнце повисло в зените белого, будто выгоревшего неба. Дышать стало невозможно, пот лил градом, горячий воздух обдирал горло, и даже лошади, чудо-зверюги, сбавили темп. И тогда Штемпель объявил привал.

Сначала хотели переждать жару наверху обрыва, под соснами — но сосны те, чахлые, скукоженные, опаленные то ли Катастрофой, то ли безжалостным крымским летом, тени почти не давали, и Пошта предложил спуститься к морю. Отсюда, с высоты красных, пышущих жаром скал, пронзительная синева моря манила прохладой. Бандеролька придирчиво осмотрела белые буруны волн в мощный натовский бинокль на предмет плавников гигантских катранов (вроде нету) и сиреневых медуз-убийц (тоже чисто), после чего Штемпель одобрил идею Пошты.

Спускаться по каменистой тропе, извивающейся между огромных валунов и осыпающейся под ногами мелкой галькой, было нелегко, но лошади справились. Еще бы им не справиться, с восьмью-то ногами и шипастыми подковами на каждой!

Для привала выбрали более-менее ровную площадку, покрытую некрупной галькой, метрах в трех от линии прибоя — и, что особо важно, в тени гигантского ассиметричного валуна, напоминающего кельтский менгир.

«Витя и Ната були zde...» — читалась полустертая надпись на валуне.

— Знаки? — удивилась Бандеролька — стройная и высокая девушка с коротко подстриженными черными волосами. — А почему на суржике?

— Это не знаки, — усмехнулся в усы Штемпель, коренастый крепыш с седым ежиком на голове. — Это старое. Еще до Катастрофы. Туристы развлекались.

— Туристы... — повторил Пошта, спускаясь к воде и присаживаясь на корточки. Он сложил ладони лодочкой, зачерпнул воды и с наслаждением плеснул себе в лицо. Вода, конечно, фонила, но по сравнению с той дозой радиации, что они уже получили за время экспедиции, это было так — пустяки. Не будь Пошта листоношей, подышать бы ему сейчас от лучевой болезни, выbleвывая внутренности. — Туристы, копать-колотить! Были ж времена...

Бандеролька, скинув рюкзак и химзащиту, отважно ступила в море в одном спектральном комбезе.

— Вода теплая, айда купаться! — задорно предложила она.

— Но-но, без глупостей! — одернул ее Штемпель. — Мы сюда не развлекаться пришли. Жару переждем — и дальше в путь. Нам бы до темноты в Бахче-Сарай добраться.

Пошта вернулся к лошадям, обтер их лоснящиеся от пота бока, покормил верного Одина сахарком, и тут над пляжем раздался протяжный вой.

— У-у-у-у-у!!! — выла оцепеневшая от ужаса Бандеролька, успевшая зайти в море по пояс.

Штемпель и Пошта синхронно рванули дробовики из седельных сумок и ломанулись к морю. Бандеролька, смешно задирая ноги, бежала им навстречу, оскальзываясь на гальке.

— Что там? — отрывисто спросил Штемпель, прижав приклад к плечу и обшаривая взглядом поверхность моря, слепящую сотнями солнечных бликов. Пошта стоял рядом, готовый встретить то, что поднимется из моря, из обоих стволов ружья. А в них — не просто картечь, а обрезки гвоздей, шарики от подшипника и (особый подарок) надрезанная картонная гильза. «Резаный патрон», старый охотничий трюк — при выстреле вперед летит полпатрона, а при попадании весь заряд уходит в тело, разрывая внутренности не хуже надрезанного крест-накрест «жакана».

— Ме-ме-медуза, — трясась от страха, выдавила Бандеролька. — Та-а-а-ам!

— Тьфу ты! — сплюнул раздосадованный Штемпель, разглядев среди сверкающих волн блеклую, похожую на тряпочку тушку. — Она ж дохлая уже!

— А все равно стра-а-ашно! — всхлипнула девушка.

Пошта убрал дробовик в заспинный чехол:

— Ну-ка, вылезай из воды. — Он протянул Бандерольке руку. — И перестань рюмсать. Ты же листоноша!

Он шагнул ей навстречу и зацепился мыском берца за тонкий, рыжий от ржавчины металлический тросик, убегающий в море. Пошта чертыхнулся, помог Бандерольке выйти из моря, а потом присмотрелся внимательнее к тросику. Тот — старый, с торчащими во все стороны полопавшимися стальными нитями (колючие, зар-раза!), обросший мхом и высохшими водорослями, крепился к мощному костылю, забитому аккурат под гигантский валун. Второй конец троса нырял в море.

— Это еще что? — удивился Штемпель.

— Трос, — сказал Пошта.

— Сам вижу, не слепой. Интересно, зачем?

Пошта осторожно подергал за тросик. Тот оказался натянут туго, как струна.

— Не знаю, — сказал Пошта. — Может, мина морская. А может, заначка чья-то. Схрон. Бросили капсулу в море, а у берега заякорили.

— Надо бы проверить, — принял решение Штемпель.

Менее всего на свете Поште хотелось лезть в море — где дохлая медуза, там и живая может рядом плавать, а смерть от ее ожогов страшно далека от приятной, — но Штемпель был в экспедиции главным, и Пошта пошел собираться.

Снял химзащиту, кольчужную поддевку, спектровское белье. Достал из рюкзака, притороченного к седлу Одина, гидрокостюм — двуслойный, семимиллиметровый, из армированного углепластиковой нитью неопрена, — маску, трубку, ласты. Маску Пошта нацепил на шею (только неопытный ныряльщик носит ее на лбу, может сорвать волной), ласты взял в одну руку, пояс с грузом в другую. Бандеролька помогла дотащить до берега остальную снаряду — острогу, нож, фонарь и старый-старый, обшарпанный «Глок-17» с усиленной пружиной, пригодный для стрельбы под водой. Патронов, правда, к «Глоку» было всего два, а вместо нормальной кобуры мастеровитая Бандеролька сплела чехол из паракорда.

Обвесившись оружием и грузами, Пошта надел ласты, надвинул маску на лицо и задом, пятясь, вошел в воду.

— Десять минут, — предупредил он перед тем, как закусить загубник. — Если не всплыву — сворачивайте лагерь.

Бултыхнулся, поплыл. Вода была чистая, прозрачная, звеняще-сияющая от радиации. По каменистому дну сновали крабы, мелкие, размером с ладонь. На Тарханкуте, говорят, мутировали — вырастают до метра в длину, клешней железный гарпун перекусывают, зато мясо необыкновенно вкусное и с легким наркотическим эффектом. Тут вроде обычные.

Рыб не было вовсе. Лишь качался у камушка крохотный морской конек.

Перебирая руками по тросу, Пошта удалялся от берега. Тросик пока шел параллельно поверхности воды, оно и немудрено — мелководье, и Пошта дышал через snorkель. А потом прибрежная полоса обрывалась резко вниз — и тросик уводил в бездонную темноту.

Перед нырком Пошта как следует продышался, провентилировал легкие. Обычный человек может задержать дыхание минуты на полторы-две, практикующий йогу — на пять. Листоноша легко мог обходиться без кислорода десять-пятнадцать минут, в зависимости от глубины погружения и интенсивности двигательной активности.

Ну, поехали!

Пошта резко погрузил голову, перевернулся вверх ногами и заработал ластами, спускаясь по тросу. Где-то на семи метрах, судя по давлению в ушах, пришлось включить фонарь — много было ила, мути, тончайшей пыльной взвеси. Видимо, подводное течение разворошило песчаное дно. Это было опасно — где течение, там можно поймать термоклин, резкий перепад температур, от которого судорога хватает мышцы и может остановиться сердце. В Черном море на такую подляну нарваться сложно, но можно.

На всякий случай Пошта замедлил сердцебиение до сорока ударов в минуту. Тросик вел в глубину. В луче фонаря все казалось призрачным, нарисованным. Каждые десять метров глубины убирают один цвет из спектра: сначала — красный, потом оранжевый, потом желтый. Когда полосы на рукаве гидрокостюма, обычно желтые, стали зеленоватыми, Пошта понял, что ушел уже на тридцать метров под воду.

Глубоко же они схрон заныкали, копать-колотить!

Что-то мелькнуло в луче фонаря. Большое, длинное, темное. Акула? Да, точно! Катран-мутант. Когда-то безобидная черноморская рыбина после Катастрофы превратилась в опасного хищника, обросшего пластинчатой шкурой, которую не брала острога. А тратить драгоценные патроны на эту тварь Поште было жаль.

Был один фокус в обращении с акулами, которому листоношу научили дайверы под Алуштой. Никогда он его не пробовал, но сейчас, похоже, было пора.

Акула напала снизу, стремительно вильнув могучим хвостом. Оскаленная зубастая пасть возникла из мутной тьмы прямо перед Поштой. Листоноша резко выдохнул, сбрасывая воздух из легких и тем самым понижая свою плавучесть, и катран прошел в миллиметре над его головой.

Пошта ухватил рыбину за плавник и потянул, переворачивая акулу кверху брюхом. Как рассказывали дайверы, перевернутая акула теряет ориентацию в пространстве и впадает в кататонию.

Сработало! Только что грозный хищник превратился в беспомощную тушу. Велик был соблазн вспороть бледное брюхо ножом, но на запах крови могли приплыть ее сородичи — или кое-кто похуже. Пошта оставил дрейфовать обалдевшего катрана и покрутился на месте, отыскивая утерянный тросик.

Ага, вот и он! Трюк с выдохом стоил ему трети запасов кислорода и сократил время пребывания под водой минут до пяти. А ему еще всплывать! Где же этот схрон?

Но схрон оказался вовсе не значкой мародеров и не миной вояк, а длинным белым ящиком с шарообразной камерой на одном конце и люком — на другом.

Обалдеть можно! Батискаф!

Явно с катера сбросили, вот тут он упал, а потом вон тем валуном его и придавило. Если валун откинуть, батискаф можно будет вытянуть, лошади справятся — они хоть и не тягловые животные, а мощи им не занимать.

На последних капельках кислорода Пошта управился со зловредным валуном, используя острогу как рычаг, и поспешил к поверхности.

* * *

Тащить батискаф оказалось тяжелее, чем предполагал Пошта. Все три лошади во главе с могучим Одином вспотели, белая пена выступила на их лоснящихся зеленоватых боках, а двадцать четыре ноги — по восемь на лошадь — высекали коваными шипастыми подковами искры из галечника.

Листоноши, надев защитные перчатки, тоже взяли за трос и спустя где-то минут двадцать, совместными усилиями вытащили батискаф на берег, и то не до конца, только шарообразную его часть.

Батискаф на поверхности выглядел совсем не таким белым и чистым, как на глубине. Нет, когда-то он был выкрашен в белый цвет — но безжалостная буксировка по каменистому дну ободрала краску длинными извилистыми царапинами, отчего батискаф приобрел окрас скорее тигровый: под краской проглядывала рыжая ржавчина. Ржавая же короста изъела замок круглого вентиля, открывающего единственный люк батискафа.

— Однако, — проворчал Штемпель, стряхивая водоросли с вентиля. — Не взорвется?

— Не должно, — пожал плечами Пошта. — До сих пор же не жажнуло!

— А вдруг там растяжка?

— Так она на открытие люка должна сработать, а не на поворот ручки. Толку-то внутри взрываться?

— Смотри что там внутри... — туманно ответил Штемпель. — Может, документы, подлежащие уничтожению?

Пошта помимо воли хмыкнул. На тайные схроны с документами листоноши нарылись с пугающей регулярностью. Такое впечатление, что накануне Катастрофы — когда всем стало понятно, что ее не избежать и к ней надо готовиться, — самые умные запасали оружие, продовольствие и боеприпасы, а самые бюрократически мыслящие, то бишь военные, силовики и политики — срочно ныкали по тайникам документы с грифом «Секретно», «Совершенно секретно», «Ультра» и «После прочтения сжечь». Пошта когда-то, еще в Симфере, полистал такую папочку полусгнивших бумажек с планами всемирной войны на уничтожение и понял, почему вояки это делали — боялись, что их во всем обвинят.

Как будто остались те, кто сможет обвинить...

Все-таки братство листонош подготовилось к Катастрофе лучше всех. Не стало запасать кусочки старого мира (банки с тушенкой и цинки с патронами), а начало готовиться к миру новому, вернее, обновленному. И начало с самого главного — с людей.

— Нет, — сказала Бандеролька, приложив ладони к батискафу. — Бомбы там нет. Там... Там что-то живое. Но еле-еле.

— Живое? — хором поразились Штемпель и Пошта. — Ну и ну!

Пошта приготовил дробовик, а Штемпель приналег на вентиль. Замок заскрипел, посыпалась ржавчина — и с протяжным стоном отворился люк.

Из батискафа пахнуло смрадом выгребной ямы. Бандеролька закашлялась и едва не сплеванула. Даже бывалый Штемпель побледнел. А Пошта, подняв подводный свой фонарик, осветил в сумрачное нутро батискафа.

Там лежал... да, пожалуй, человек. Или макет человека в масштабе один к десяти, не считая роста. Скелет, обтянутый серой дряблой кожей. Торчащие ключицы, выпирающие ребра. Череп с жиденькой, точно водоросли, растительностью. Огромные, закрытые веками, но все равно навывкате, как у ящерицы, глаза. Тонкие, плотно сомкнутые губы. Впалые щеки. Трупак трупаком. Но — дышит! Вон, грудная клетка вздымается.

— О-фи-геть, — сказал Штемпель. — Такого я еще не видел. Сколько ж он там пролежал? И почему не сдох? Мутант, что ли?

— Не-а, — покачал головой Пошта. — Не мутант. Вон, гляди!

Он показал на мерцающий огонек в глубине батискафа. Армейская система жизнеобеспечения АСЖ-97. Стандартный модуль, обычно устанавливаемый в космические скафандры. Коробочка со всем необходимым, чтобы не дать сдохнуть человеку на протяжении достаточно долгого времени. От коробочки бежали трубки — капельницы в вену, катетеры для диализа — в почки, еще какая-то мишура.

— А дышал-то он чем? — спросила зеленоватая от вони Бандеролька.

— Ребризер, наверное, — предположил Пошта. — Порошковые смеси для выработки кислорода. Система замкнутого цикла.

— Кто ж его тут запер-то? Кому он так насолил?

Полутруп из батискафа дернулся и издал какой-то звук.

От неожиданности все трое листонош вздрогнули, а Пошта едва не пальнул из дробовика.

Мумия вполне отчетливо всхрипнула, потом застонала, после чего попыталась открыть глаза. Это было ошибкой без-пяти-минут-покойника: от солнечного света он отвык. Поште даже представлять себе было больно, как резануло по глазам обитателя батискафа крымское солнце.

Узник батискафа попытался закричать, но сорванные давным-давно и так и не восстановившиеся голосовые связки издали лишь жалкий хриплый визг, от которого у Пошты мороз пошел по коже, а Бандеролька отпрыгнула на метр и вскинула перед собой нож.

Один лишь Штемпель остался невозмутим.

— Гляди-ка, — сказал он, — а его еще и привязали... Ты кто будешь, арестант?

Узник перестал визжать, покрутил головой, прислушиваясь, и шепотом спросил:

— Кто здесь?

— Я — Штемпель из клана Листонош. А ты кто такой, откуда будешь и как угодил в этот ящик?

— Я... я из Балаклавы... Из штольни...

Трое листонош изумленно переглянулись. По последним данным, выживших в Балаклаве не было. И ни про какую штольню никто никогда не слышал.

— Что еще за штольня? — осторожно наклонившись к полутрупы, спросил Штемпель.

— Штольня... — прохрипел тот. — Страшное место... Не ходите... туда... Не вернетесь! На последнем выкрике у него изо рта пошла пена.

— Тише, тише, — успокаивал его Штемпель. — Кто там живет? Большая община? Сколько человек?

— Человек... Нет там людей... Одни морлоки! Меня! В ящик! Твари!

У арестанта, очевидно, начинался припадок. Свежий воздух и солнечный свет не пошли ему на пользу: тощее тело начинало трясти в судорогах, конечности дергались, иголки капельниц повывлетали.

— За что тебя туда? — спросила Бандеролька сочувственно.

— Я! Ни в чем! Не виноват! — одним дыханием, почти без звука, проорал узник.

Он опять открыл глаза, но зрачки закатились, обнажив красные, с багровыми прожилками белки. Пена запузырилась в уголках рта, тело начало неконтролируемо дрожать.

— Пристрелить бы его, — брезгливо отодвинулся Штемпель. — Все равно не жилец. Но жалко тратить пулю.

— Можно острогой, — хмуро предложил Пошта. — Но лучше откачать. Мы же ничего не знаем про балаклавскую общину. Морлоки какие-то!

— Да как мы его откачаем?! — вскинулся Штемпель, бессильно наблюдая за припадком арестанта. — Наши лекарства ему не помогут, они только для листонош. Он уже радиации столько хапнул, что будь он здоров — через день-другой ласты бы склеил. А в его состоянии... — Штемпель махнул рукой.

Несчастный узник выгнулся дугой — насколько позволяли ремни, удерживающие его за руки и ноги, издал протяжный всхлип, захрипел, мелко-мелко затрясся — и испустил последний вздох.

— Все, — констатировал Пошта. — Умер.

— Царствие ему небесное, — сказал Штемпель. — Или удачной реинкарнации, уж не знаю, во что он верил.

— А если был атеистом? — спросила Бандеролька.

— Этим проще всего. Был, был — и нет тебя. Корми червей.

— Хоронить будем? — уточнил Пошта.

— Зачем? Стемнеет, крабы набегут — к утру от него и скелета не останется. Жалко время терять. Нам ехать пора, вроде жара спала уже.

Пошта удивился:

— Как это — ехать?

— Обыкновенно, на лошадях. Нам в Бахче-Сарай, помнишь?

— Э, нет, — сказал молодой листоноша. — Тут новые сведения об общине в Балаклаве, какая-то штольня непонятная, а мы вот так просто возьмем и уедем? Мы же листоноши! Мы должны искать выживших! Копать-колотить, это то, что мы есть!

Штемпель огладил усы, хмыкнул снисходительно:

— Молодой ты еще, Пошта. Глупый. Вернемся в Бахче-Сарай — снарядим экспедицию в Балаклаву, проверим все.

— А вдруг они вымрут к тому времени?! Там же морлоки эти странные, вдруг они людей перебьют?!

— Значит, такая у них судьба.

Бандеролька ногой пнула люк батискафа — тот захлопнулся, отрезая источник вони, — и обхватила себя руками.

— Я тоже не хочу в Балаклаву, — заявила она. — Не знаю, что там за община, но вот так вот человека заживо похоронить... Это какой же сволочью надо быть! Ведь специально ему — и ребризер, и систему жизнеобеспечения поставили, чтобы дольше мучился.

— Ну, — рассудил Штемпель, — мы же не знаем, за что его так. Вдруг — заслуженно. Но в одном ты, девочка, права: те, что в Балаклаве, шутить не будут. Крутой народец, если так со своими обращаются. А что они с чужаками делать будут — один дьявол знает. Озверели люди после Катастрофы, тебе ли, Пошта, этого не знать!

Аргументы были логичными и связными, и причин продолжать спор Пошта не находил — но согласиться не мог. Что-то толкало его в Балаклаву. Интуиция. Чутье листоноши.

— Ясно-понятно, — пробормотал он. — Только я в Бахче-Сарай не поеду. Вы езжайте. А я штольню разведваю — и вас нагоню.

Глава 1

ПЕРФОКАРТА

То, что в городе есть выжившие, Пошта понял сразу.

Были приметы, которые человек, только что вышедший на поверхность, никогда не заметит. Потому что нет у подземной крысы навыков следопыта. Откуда рожденному в бункере знать, что вот эта аккуратная кучка мусора, состоящая из обгоревших упаковок сухого пайка, является отличительной чертой лагеря сталкеров, переживавших опасность на крыше здания? Или взять хотя бы угольные метки на стенах, которые Пошта впервые увидел еще на въезде в Балаклаву: череп с костями, крест, три треугольника и круг. Отметки были оставлены относительно недавно — год, максимум два назад. А это означало, что в городе или рядом с ним есть колония уцелевших и они уже достаточно осмелели, чтобы организовывать экспедиции на поверхность. Оставалось только найти их убежище.

Пошта аккуратно перегнулся через парапет проверить, как обстоят дела у Одина. Конь, вольно пасущийся рядом с входом в подъезд, словно почувствовал взгляд хозяина, всхрапнул и помотал головой: «Все спокойно, никого поблизости нет!» Привязывать или тем более стреноживать скакуна Пошта не стал, ведь неизвестно, какие твари прячутся в домах этого милого городка. Случись что, Один вполне мог постоять за себя, а в крайнем случае дать деру. Потерять коня листоноша не боялся, потому что верный восьминогий друг уже не раз находил своего хозяина даже после нескольких дней разлуки.

— Копать-колотить. — Пошта вернулся к изучению города при помощи армейского бинокля. Оптика была хорошая, еще из запасов натовской базы, на которую наткнулась в прошлом году банда атамана Миколы. Заполучить у лиходеев бинокль получилось относительно просто; Пошта был даже рад тому, что в обмен на него удалось избавиться от кучи ненужного барахла навроде стопки порножурналов и консервов с просроченным салом.

Но даже через хваленую европейскую штуковину он не мог засечь на городских улицах ни единого движения. Ни людей, ни мутантов. Только на развалинах древней крепости, венчавшей горный утес, мельтешили огромные птицы, потомки обычных чаек. Вода в бухте была спокойная, гладкая. А что творилось на море, отсюда разглядеть нельзя было — его закрывали скалы.

У Пошты забурлило в животе, и он решил слегка перекусить. Листоноша, как и его конь, был всеядным. Конечно, разумное существо предпочтет что-нибудь вкусное, но за неимением такового можно и подножным кормом перебиться.

Пошта вытащил и размотал леску, соорудив нехитрую приманку: клочок шерсти, вымазанный кровью, на крючке. Почти рыбалка получается. Листоноша спустился на первый этаж дома и опустил через дыру в полу «снасть» в подвал, где шебуршились (он чуял) крысы.

Пятнистые зверьки осторожно кружили вокруг приманки. Листоноша, неотрывно следящий за суетой внизу, надеялся поймать одного из этих зверьков. Крючок и леска были надежные, проверенные в деле не один раз. Такой нехитрой снастью можно было поднять тушку в пять килограммов. Хотя представители местной популяции явно не дотягивали по габаритам до своих родственников, джанкойских шуров, на которых привык охотиться Пошта.

Наконец самый упитанный самец осмелился приблизиться к наживке. Он внимательно принялся к меху, пригнулся и явно изготавился к прыжку, намериваясь сцапать мясо и бежать прочь. Пошта аккуратно сглотнул набежавшую голодную слюну, предвкушая сочный ужин. И тут его грандиозные планы на вечер нарушил звук выстрела! Естественно, пятнистые грызуны прыснули в разные стороны, пища и прячась поглубже в свои норы. Матерясь, листоноша быстро смотал леску на кулак и прильнул к оконному проему. Как он и думал, местные жители наконец-то высунулись на поверхность. И, судя по всему, сегодняшний рейд складывался для них весьма неудачно.

Раздалось еще несколько одиночных выстрелов. Судя по звуку, палили из дробовика. Затем последовала длинная автоматная очередь, захлебнувшаяся так же неожиданно, как и началась.

— Копать-колотить, патронов не бережем. — Пошта аккуратно, чтобы не пораниться об остатки оконного стекла, забрался на подоконник. Держась для страховки одной рукой за бетонный край, второй он поднес к глазам бинокль и стал выискивать фигуры сталкеров. Поиски осложнял тот факт, что надвигался вечер, а в этих широтах темнело стремительно, так что через полчаса разглядеть что-либо будет возможно только с прибором ночного видения. А его у Пошты, увы, не было. Но ему улыбнулась удача: он наконец-то смог засечь аборигенов.

По набережной, на противоположной от Пошты части бухты, бежали трое. Точнее, двое несли под руки третьего. Через каждый десяток шагов один из них, не глядя, поливал свинцом асфальт позади себя. Причину столь безумного расточительства боеприпасов Пошта разглядел не сразу, но от увиденного волосы на затылке у него встали дыбом.

Огромные улитки, каждая величиной с легковой автомобиль, стремительно нагоняли сталкеров. И, судя по реакции беглецов, встреча с этими бронированными слизняками была последней, чего бы они желали в этой жизни.

«Думаешь, это хорошая идея? — тихий, но очень неприятный голос рассудка отвлек Пошту от разворачивающейся на его глазах трагедии. — Может, стоит подождать, чем закончится эта заварушка?»

— Если я им не помогу, эти бронированные слизи им явно бо-бо сделают. А мне нужны живые люди. — Пошта поморщился и почесал прикрытый банданой лоб.